

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ КИТАЯ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В МОСКОВСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ: КОМБИНИРОВАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Марина В. Малышева

Независимый исследователь
Москва, Российской Федерации

В статье исследуется проблема социолингвистической адаптации студентов из Китая, обучающихся в московских университетах. Статья опирается на материал, полученный в период с февраля по май 2020 г. в учебных заведениях и общежитиях НИУ ВШЭ, МГУ им. Ломоносова, РУДН и представленный, во-первых, интервью с 3 студентами из Китая, во-вторых, данными, полученными путем анкетирования 90 респондентов. Целью исследования является определение степени социолингвистической адаптации студентов из Китая. Ввиду отсутствия четкой общепринятой стратегии изучения настоящей проблемы автор стремится создать модель исследования адаптации личности в новой среде посредством применения комплексного качественно-количественного подхода. Разработанная модель указала на способность учащихся легко адаптироваться к бытовой и общественной сторонам жизни в России. Вместе с этим были выявлены и важные проблемные аспекты, препятствующие аккультурации, в числе которых слабые мотивационные установки и дистанцированность инофонов от локальной языковой среды: китайцы либо намеренно избегают контактов с членами российского социокультурного сообщества, либо поневоле оказываются отчужденными от коммуникации с ними. Эти обстоятельства не позволяют дать высокую оценку степени социолингвистической адаптации студентов.

Ключевые слова: социолингвистическая адаптация, образовательная миграция,, китайские студенты, идентичность, инофоны

SOCIOLINGUISTIC ADAPTATION OF STUDENTS FROM CHINA STUDYING AT MOSCOW UNIVERSITIES: MIXED-METHOD RESEARCH

Marina V. Malysheva
Moscow, Russian Federation

In this article, the author examines the issue of sociolinguistic adaptation of students from China studying at Moscow universities. The paper is based on material collected from February to May 2020 on the territory of educational institutions and dormitories of Higher School of Economics, Moscow State University, Peoples' Friendship University of Russia. Firstly, the study is presented by interviews conducted with 3 students from China, and secondly, by the data obtained from questioning 90 respondents. The study aims to determine the degree of sociolinguistic adaptation of students from China. Considering the absence of a clear generally accepted strategy for studying one's sociolinguistic adaptation in a new environment, the author seeks to develop a scenario for studying these processes through the use of an integrated qualitative and quantitative approach. The implemented research model has indicated the students' ability to easily adapt to social aspects of everyday life in Russia. At the same time, weak motivational attitudes, focus on returning to China and distancing from the local language environment have been identified as key issues. Students either deliberately avoid interaction with members of the Russian sociocultural community or

involuntarily find themselves alienated from intercultural communication. These factors do not provide an opportunity to highly evaluate the students' degree of sociolinguistic adaptation.

Keywords: *sociolinguistic adaptation, educational migration, Chinese students, identity, foreigners*

Введение

Российской политической и экономической реальности свойственна прочная ориентация на установление и поддержание экономических связей с Китаем, учебные мигранты являются неотъемлемой частью инфраструктуры международных отношений. Высокий спрос на российское образование определяется договоренностями о двустороннем экономическом сотрудничестве, следствием которого, в свою очередь, стало возникновение потребности обеих сторон в квалифицированных, владеющих русским языком специалистах в различных профессиональных сферах – экономики, инженерии, гуманитарных наук и т.д. Среди факторов, предопределяющих выбор России китайскими абитуриентами для получения образования, выделяются сугубо личный интерес китайцев к российской истории, политике и культуре, а также финансовый аспект – российское образование является более доступным, чем, к примеру, в западных странах и США [Ларин, 2009: 92].

Различные статистические данные демонстрируют значительные объемы китайской образовательной миграции. Так, Минобрнауки России сообщает, что студенты из Китая обучаются в вузах 85 российских городов. При этом территориальная близость российских городов с Китаем не определяет их выбор. На регионы Российской Федерации, имеющих общую границу с КНР, приходится 22% студентов из этой страны, в то время как в Москве и Санкт-Петербурге обучается почти половина (48%) [Коммерсант, 2019].

Таким образом, можно говорить о том, что Россия как учебное направление является по определенным параметрам наиболее популярным и привлекательным субъектом для китайских абитуриентов. Однако как себя чувствуют молодые представители китайского сообщества в российской среде? Какие проблемы создают преграды на пути прохождения адаптационного процесса и какими методами можно определить уровень социолингвистической адаптации? В проведенном в 2019 г. исследовании ФГАНУ Социоцентр сообщил, что около 70% иностранцев сталкиваются с определенными трудностями на первых порах обучения в России.. В отличие от студентов ближнего зарубежья, которые тяжело переносили нехватку друзей и недостаток материальных средств, студенты дальнего зарубежья указывали на проблемы, связанные с освоением русского языка, привыканию к местному климату, адаптации к другой

культуре, а также трудности, касающиеся решения бытовых проблем [ФГАНУ Социоцентр, 2019: 94].

Настоящая статья представляет попытку ответить на упомянутые вопросы, определив специфические для студентов из Китая условия протекания адаптационных процессов.

Методика исследования

В исследовании, описанном в статье, применяется комбинированный подход: последовательное применение инструментов качественного и количественного методов, где последний наделен доминирующим статусом, поскольку предполагается, что его результаты дадут ответы на более широкий круг исследовательских вопросов. Качественный подход реализован с помощью дискурсивного и контент-анализа нарративов – мини-рассказов, взятых из интервью. В основу количественного анализа лег опрос респондентов в формате анкетирования. Полученный материал прошел тестирование и интерпретацию в программе “R”, оперирующей обработкой статистических данных.

Качественный анализ

Качественному методу отведена вспомогательная роль, он представлен анализом полуструктурированных интервью на простые темы о жизни и учебе в Москве, освоении и использовании русского языка: «Почему я решил(а) приехать в Россию», «Мой родной дом», «Планы о будущей работе», «Мое мнение о Москве», «Мой досуг», «Общение на русском языке».

Реализованный согласно структурному подходу Уильяма Лабова [Labov, 1997: 3–38] анализ нарративов двух инофонов, проживших в Москве три года, продемонстрировал «полноту» рассказанных историй. Эти истории были наделены связностью описываемых событий, логическим переходом от одного структурного компонента повествования к другому, оценками произошедших событий и совершенных действий. «Мне кажется, я выбрал МГУ, а не Москву. Это очень длинный ответ, но мне кажется, он правильный» (зачин). «Как сказать... Ну нужно говорить о том, что случилось пять лет назад. Я приехал в Шэньчжэнь, и мне сказали, что в этом колледже будет создан совместный университет МГУ и Китая. И я жил в том городе, и тогда первый раз я услышал, что в России есть такой университет – МГУ» (ориентация относительно времени, места, участников событий). «Потом я окончил школу. И как раз в том году был создан этот совместный университет. Я мог быть одним из первых студентов этого университета. Но... Как-то я хотел поступить туда, и, конечно, я мог поступить, но я был на церемонии этого университета и там было видео нашего ректора МГУ,

и это видео интересное... Но в конце он сказал: "...хотя это видео для совместного университета, но я хочу пригласить вас в МГУ"». (основная линия). «Потом я подумал и посчитал: "Ax! Так же можно!"»(оценка) Потом поступил в МГУ» (результат).

Оценочный анализ рассказов указал на проблемы, касающиеся получения образования и жизни в целом: «Мне кажется, семинары для меня – не легко, но и не сложно. Я могу понять не большинство, но достаточно, о чем семинарист говорит. Но на лекциях мне сложно. И большинство непонятно. Я стараюсь справляться. Мне легче читать. На семинарах я выступаю, но редко задаю вопросы» (об учебе); «Просто там начальники, они так распределяли, что почти большинство китайских студентов живет в этой части общежития. Но у нас соседи тоже есть... русские товарищи. Мы редко разговариваем, просто скажем: "Привет!" – и все. Просто у нас нет общих интересов, и не знаем, о чем говорить» (об общении с русскоговорящими соседями); «Возможно, что я два-три года еще буду работать в Москве, в китайской компании Huawei. Потом вернусь в Китай» (о перспективах).

Рассказы студента, обучающегося в Москве год, не дают возможности применить подход Лабова, поскольку обладают простейшей структурой и не отличаются логичностью и последовательностью: «Я не знаю, как познакомить с они. Я хочу, потому что я не хорошо говорить, поэтому я не могу познакомиться с ними. Моя семья в Китае, я из Гуанчжоу, это, я думаю, нормальный город». Тем не менее сконструированные смыслы легко вычленяемы и поддаются интерпретации: «Русский язык – очень трудно... грамматика очень... В Китае я не изучал русский язык» (о сложности изучения русского языка); «Английский язык я нехорошо, поэтому я закончил университет, потом я приехал в Москву» (о незнании международного языка как о мотиве обучаться в Москве); «Я хочу стать преподавателем Китайского языка в Китае» (о перспективах, не связанных с желанием остаться в Москве).

Нarrативы всех респондентов подверглись лингвистическому анализу. Собственно лингвистический анализ в контексте исследования стал вспомогательным инструментом при создании социального речевого портрета говорящего [Franzosi, 1998: 81–104]. Среди языковых средств выделились повторы-хезитации, которые помогают говорящему выстраивать повествование логическим образом или, например, производить самокоррекцию: «И я живу... жил в том городе», «Здесь... Я здесь видел новые небоскребы»; частое использование слов-паразитов, в числе слов-паразитов – так называемые пустые вводные слова, выражения, местоимения, наречия («так сказать», «значит», «ну», «это», «вот», «этот», «как бы», «как-то», «там» и др.) Обращение к словам-паразитам сигнализирует не только о том, что рассказчик в момент повествования заполняет в нем паузы либо старается с их помощью связать части внутри предложения или целые предложения; это указывает в том числе на то, что инофон

находится на той стадии социолингвистической адаптации, когда способен перенять распространенную речевую привычку русскоязычного носителя.

Один из способов подготовки текстового материала к количественной обработке – проведение контент-анализа. Обычно контент-анализ, идея которого заключается в подсчете наиболее часто встречающихся тем и смыслов с целью последующей содержательной интерпретации количественных закономерностей [Социологический словарь, 2004: 209], применяется для работы с текстами средств массовой информации. Этот способ представляется также адекватным для использования в рамках настоящего социолингвистического исследования. На основе взятых из интервью мини-рассказов трех информантов был произведен контент-анализ, иллюстрирующий семантическую структуру текста. Определенный набор ключевых слов, то есть понятийно-тематических единиц, указал на типичные категории и подкатегории, задействованных в процессах социолингвистической адаптации. На рисунке 1 отношения выявленных категорий показаны во взаимосвязях.

Рисунок. 1. Результаты дискурсивного анализа нарративов и сформулированный список ключевых категорий стали основанием для количественного исследования.

Количественный анализ

Зарубежными исследователями в конце прошлого века был разработан метод количественного измерения степени социокультурной адаптации иностранцев. До этого не было четкой определенности в необходимости разграничивать психологически и культурно обусловленные факторы влияния на степень адаптации личности. Сейчас же вопрос интерес к

межкультурной адаптации – появляются новые исследования с новыми методами и инструментами.

Шкала социокультурной адаптации (англ. *SCAS – The Sociocultural Adaptation Scale*) была впервые использована Венди Сирл и Коллин Уорд [Searle, Ward, 1990: 449-464] при изучении формирования межкультурной компетенции и адаптации малазийских и сингапурских студентов в Новой Зеландии.

Структура шкалы социокультурной адаптации достаточно гибкая в том смысле, что ее компоненты, основываются на тех факторах, которые находятся в фокусе исследования, и в зависимости от того, на чем сосредоточен автор проекта, компоненты структуры могут варьироваться. Так, например, попытки определить структуру SCAS привели к решению включить в анализ два фактора адаптации – когнитивный и поведенческий [Ward, Kennedy, 1999: 659–677]. Чэн и Чой обнаружили, что для китайских иммигрантов в Сингапуре в основе социокультурной адаптации лежат три фактора: социальный, физический и культурный [Chen, Choi, 2011]. Анн-Мари Масгорет и Коллин Уорд различают личностные факторы: мотивация, ожидания, индивидуальные особенности личности; и ситуационные: предшествующий опыт, продолжительность проживания в новом сообществе, межкультурное взаимодействие и культурная дистанция [Masgoret, Ward, 2006: 58–77].

Структуру шкалы адаптации в заданном контексте определил качественный анализ, указавший на те сферы социокультурной адаптации, которые в большей степени затрагивают студентов из Китая. Из 40-пунктной шкалы Коллин Уорд и Энтони Кеннеди было выбрано 20 пунктов, называющих ситуации, релевантных настоящему исследованию. Разделение пунктов шкалы SCAS на группы помогло определить, в каких ситуациях адаптационные процессы происходят комфортно, а в каких – с осложнениями.

Инструмент исследования

Участникам исследования была предложена для заполнения онлайн-форма. В опросе участвовали 90 студентов из трех государственных московских университетов: НИУ ВШЭ (20), МГУ (34), РУДН (36). Критерии по отбору информантов были следующие. Ключевой критерий – принадлежность респондента к китайской этнокультурной группе. Респонденты, прибывшие из любого региона Китая в Москву, должны были проходить обучение на очной форме бакалавриата в одном из трех выбранных для исследования вузов, возраст участников – от 17 до 24 лет, срок проживания в Москве мог варьироваться от одного года до четырех лет. Итоговым результатом исследования стало 90 заполненных анкет.

Созданный для проведения анкетирования опросник условно разделен на несколько частей. Первый блок вопросов содержит социально-демографические данные информанта

(5 вопросов): полное имя, пол, возраст, субъективная оценка уровня дохода семьи, а также название города или населенного пункта, в котором респондент окончил среднюю школу; вторая часть вопросов отведена информации о московском вузе: название университета и специальности, продолжительность обучения, мотивация при выборе вуза и специальности, оценка уровня текущей успеваемости, число возвращений в Китай во время учебного процесса, дальнейшие перспективы студента относительно места будущего трудаоустройства; третий блок вопросов предлагает дать оценку утверждениям, сформулированным на основе базы ключевых слов, в соответствии с пятибалльной шкалой.

Результаты исследования

Задача проводимого количественного анализа – сначала предоставить краткое резюме данных о студентах, участвующих в опросе (демографические сведения, информация о получаемом образовании, мотивационные установки и перспективы), а после формирования базы информантов обнаружить корреляцию или установить ее отсутствие между данными социально-демографического плана и ответами на вопросы, связанными с оцениванием ситуаций, которые включены в адаптационный процесс. Из 90 участников 46 (49%) были юношами и 48 (51%) девушками. Средний возраст участников составил 21–22 года. Что касается регионов происхождения, то 25 человек (27%) опрошенных окончили среднюю школу в городах, входящих в первую десятку рейтинга городов с самым высоким доходом на душу населения [China.org.cn, 2021: URL], среди них: Шанхай, Пекин, Шэньян, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Чунцин, Сучжоу, Чэнду, Ухань, Ханчжоу. 67 участников опроса приехали из крупнонаселенных провинций (74%), а из провинций с малочисленным населением (26%). Распределение респондентов по городам с разной численностью населения показано на Рисунке 2.

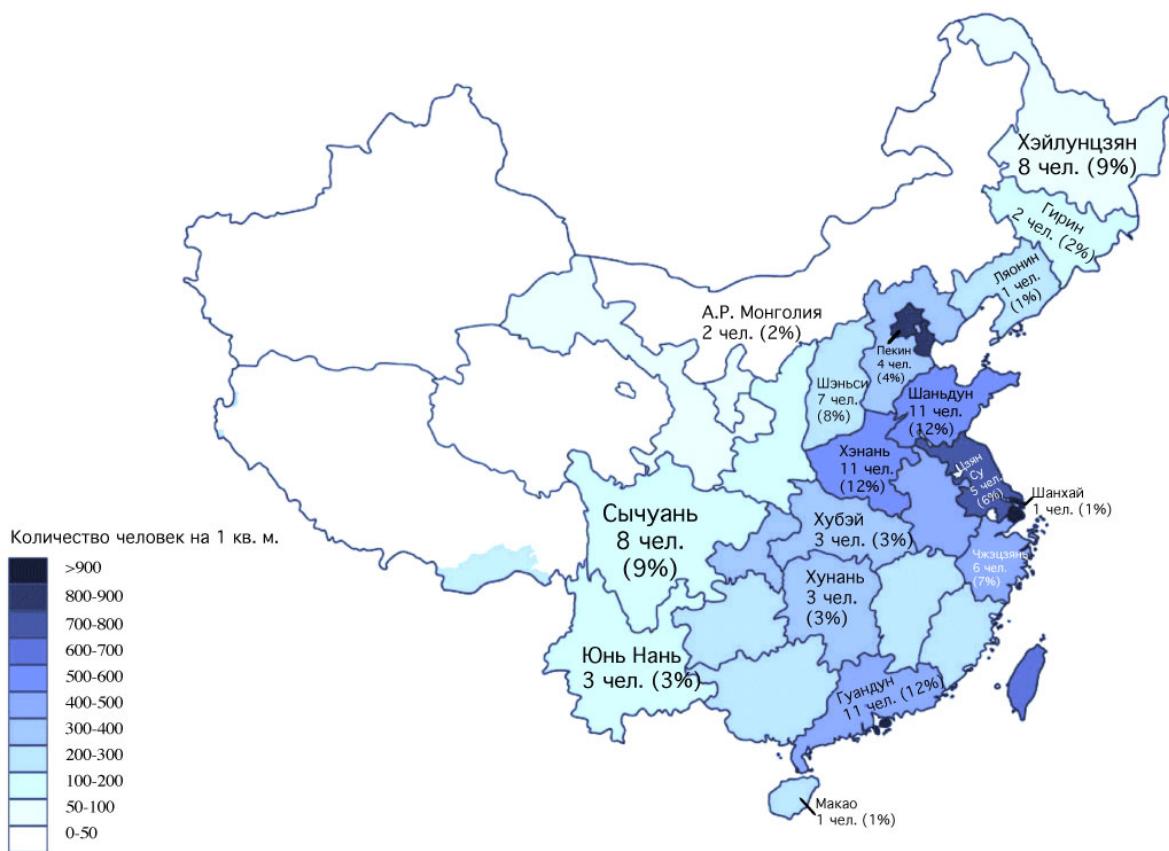

Рисунок 2.

Распределение по направлениям образовательных программ, выбранных студентами? следующее: количество участников для общественных, гуманитарных, точных и естественных наук в процентном соотношении составило 44%, 27%, 18% и 11% соответственно (Диаграмма 1).

Диаграмма 1

Диапазон продолжительности проживания в Москве на момент проведения опроса варьировался от одного года до четырех лет в следующем процентном распределении: меньше

года обучаются 7% опрошенных, один год – 18% выборки, для двух лет обучения – 46%, от трех до четырех лет – 22%, больше четырех лет – 7% (Диаграмма 2).

Диаграмма 2

Оценка уровня владения русским языком демонстрирует, что 20% респондентов оценивают свой уровень владения русским языком как продвинутый, половина опрошенных – 51% сообщает, что владеет русским языком выше среднего, 27% на среднем уровне и 2% ниже среднего уровня (Диаграмма 3).

Диаграмма 3

Выбранные пункты SCAS были концептуально разгруппированы в соответствии со следующими аспектами социокультурной адаптации: академическая адаптация, коммуникативная, условно-бытовая и культурная. Респонденты оценивали сложность той или

иной ситуации по пятибалльной шкале, где 1 балл означал, что ситуация вызывает большие трудности, а 5 баллов – не вызывает никаких сложностей. Следовательно, высший балл свидетельствует о лучшей степени социокультурной адаптации.

Первый аспект относится к академической адаптации состоит из шести пунктов, связанных с жизнедеятельностью иностранного студента в академической среде: понимать то, что требуется в университете, справляться с учебной работой, быть удовлетворенным(-ой) работой преподавателей, выражать свои идеи в классе, довольствоваться учебными условиями (аудиториями, доступом к образовательным ресурсам), участвовать и выступать в научных конференциях, чтениях. Респонденты сообщили, что испытывают наибольшие трудности, когда появляется необходимость выступать на научных конференциях и в выражении в классе своих идей, однако понимают, что от них требуется в университете и довольны работой преподавателей.

Второй аспект, социально-бытовой, также состоит из шести пунктов, связанных с организацией повседневной жизни и привычек, и включает следующие ситуации: привыкать к ритму жизни, привыкать к местной еде, справляться с бюрократией, адаптироваться к жилищным условиям, справляться с климатом, жить вдали от семьи в Китае/отдельно от близких людей. Сложнее всего китайским студентам приходится справляться бюрократией и привыкать к местной еде, однако они легко привыкают к ритму жизни в Москве и жизни вдали от семьи.

Компоненты коммуникативного аспекта относятся к ситуациям, связанным с межкультурным взаимодействием: заводить новых друзей, быть понятым окружающими, говорить о себе с другими, понимать местные шутки и юмор, общаться с русскоговорящими людьми, понимать акцент/речь носителей русского языка. Результаты опроса показали, что этот аспект адаптации является наиболее уязвимым для студентов. Китайцам сложно заводить новых друзей, при этом они не испытывают трудности в самопрезентации.

Две ситуации были предложены для описания культурного аспекта адаптации: адаптироваться к местному этикету, принимать/понимать местную политическую систему. Результаты опроса показали высокую степень адаптации к этим контекстам.

Мотивы принятия решения иностранными гражданами обучаться в России

Список факторов, оказывающих влияние на решение получать образование за рубежом, варьируется для каждого отдельного случая. Более важным обстоятельством, чем указание на отдельные причины, является то, какими мотивами руководствовался будущий студент при выборе места обучения.

Сеймур Эпштейн, американский психолог, утверждает, что рациональные мотивы отделены от непосредственного опыта и связаны со сложными когнитивными процессами. В противопоставлении эмпирическим мотивам рациональные мотивы обосновываются логикой, требуют доказательств, их формирование может занимать длительное время. Такие мотивы создаются с участием целого комплекса контекстов и кодируют реальность символами, словами и числами. Другие мотивы, основанные на знании и опыте, аффективны – ориентированы на удовлетворение эмоциональных потребностей, выстраиваются из ассоциативных связей, зависят от контекстов, могут появляться импульсивно, не требуя длительного времени закрепления в сознании. Реальность при эмпирической мотивации представляется системой образов, метафор и повествований [Epstein, 1994: 709–724].

Таким образом, рациональные мотивы реализуются в умении учащегося рассказать о причинах, повлиявших на выбор университета и специальности, в то время как студенты, руководствуясь эмпирическими мотивами, способны характеризовать свое решение неконтролируемыми влечениями.

В мотивации китайцев получать российское образование среди «рациональных» мотивов преобладают высокое качество обучения в России (17) и невысокая стоимость образования по сравнению с вузами в других странах (15) (Диаграмма 4).

Диаграмма 4

Среди «неосознанных» выделяется мотив стремления обучаться за границей, именно в Москве (Диаграмма 5).

Диаграмма 5

Мотивация приезда китайских граждан для обучения в России определяется стремлением получить конкретную специальность, невысокой стоимостью образования с меньшим конкурсом при поступлении; а также нерациональными мотивами: желанием обучаться за границей, именно в России, Москве, аналогичным опытом друзей и знакомых.

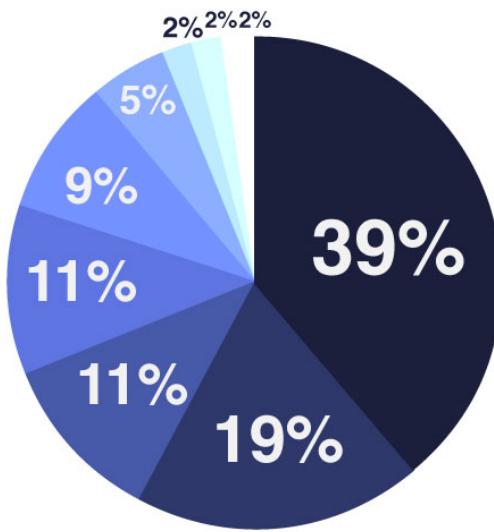
Мотивы выбора специализации

Основные мотивы выбора студентами из Китая специализации – ее соответствие способностям и знаниям студента, высокий престиж. Следующими менее распространенными мотивами являются соображения прагматического характера: высокая оплата труда и широкая востребованность профессии в Китае. Примечательно, что для восьми человек из опроса выбранная специальность определена случайным стечением обстоятельств. Остальные респонденты сообщили, что некоторые из них были направлены на обучение образовательной организацией в Китае, другие последовали за друзьями и знакомыми, выбравшими ту же профессию, трети – продолжают семейную традицию (Диаграмма 6).

Диаграмма 6

Мотивация выбора специальности

- Специальность соответствует знаниям и способностям (35 чел.)
- Высокий престиж специальности (17 чел.)
- Специальность высоко оплачивается (10 чел.)
- Специальность востребована в Китае (10 чел.)
- Случайный выбор (8 чел.)
- Друзья/знакомые получили эту специальность (4 чел.)
- Организация в Китае направила учиться по этой специальности (2 чел.)
- Продолжение семейной традиции (2 чел.)
- Специальность востребована в России (2 чел.)

На высокий престиж профессии ссылаются те, кто специализируется по международным отношениям, информационным технологиям, а также экономисты и лингвисты. В равной степени разнообразны специальности студентов, избравших профессию в соответствии со своими индивидуальными способностями и знаниями, и тех, чей выбор специализации был случайным. На востребованность в Китае своей профессии указывают экономисты и управленцы.

Возвращение в Китай и планы о трудоустройстве

Полученные статистические данные были рассмотрены на предмет сохранения крепких связей с исходным социокультурным сообществом.

Более половины респондентов возвращаются в Китай раз в год (56 человек), 26 человек – два раза в год, четыре человека не возвращается вообще и столько же ездит в Китай во время учебы три раза и больше. 52 респондента намереваются трудоустроиться после окончании российского вуза в Китае; 15 – еще не определились с выбором места

работы, 14 – рассматривают Россию, 7 – другие страны, помимо КНР и РФ (были названы США и Швейцария), два студента рассматривают Россию, и Китай.

Оценка уровня текущей успеваемости

Подавляющее большинство опрошенных студентов – 46 человек, сообщают, что имеют «хороший» уровень успеваемости, 24 говорят о «среднем», 18 человек учатся «отлично» и всего двое признались, что их успеваемость на низком уровне.

Гипотезы и их тестирование

Для тестирования гипотез в программе статистической обработки данных «R» необходимо сделать дисперсионный анализ, т.е. проверить переменные на нормальность распределения. Во всех случаях тестирования гипотез, кроме гипотезы 4, будут сравниваться две группы, где первая переменная – общий балл социолингвистической адаптации для каждого индивида, вторая переменная зависит от объекта гипотезы. Для определения характера распределения переменных был применен Shapiro-Wilks test. Результат теста: $p\text{-value} = 0.1909$, $P\text{-value} > 0.05$ –, следовательно, распределение можно охарактеризовать как нормальное, что дает основание для проведения других тестов. Среднее арифметическое группы равно 67.6 медиана = 66.5, мода = 60.

Нулевая гипотеза 1: *Степень социокультурной адаптации не зависит от времени проживания в Москве*. В качестве первой переменной *time* выступил показатель времени проживания в России. Для тестирования гипотезы был выбран Pearson's product-moment correlation test, поскольку он проверяет нулевую гипотезу на предмет подчинения рассматриваемых величин определенному теоретическому закону распределения. Проверяемые данные соответствуют условиям применения критерия: сопоставляемые показатели независимы и измерены в номинальной шкале. Коэффициент Пирсона помогает выявить степень взаимосвязи между двумя переменными.

Pearson's correlation test показал существование корреляции между продолжительностью проживания студента в Москве и уровнем его адаптации ($\text{cor } 0.472308$). Показатель корреляции демонстрирует умеренную позитивную тенденцию зависимости переменных. Нулевая гипотеза опровергнута. Можно сформулировать альтернативную гипотезу, которая нашла бы свое подтверждение, следующим образом: *Уровень социокультурной адаптации зависит от времени проживания в России*.

Нулевая гипотеза 2: *Степень социокультурной адаптации не зависит от возраста студента*. Гипотеза также протестирована с помощью критерий корреляции Пирсона. Показатель корреляции ($\text{cor } 0.6056456$) демонстрирует позитивную тенденцию зависимости переменных, при этом степень их зависимости сильнее, чем в случае с длительностью

проживания. Следовательно, гипотеза опровергнута, альтернативная гипотеза: *Степень социокультурной адаптации зависит от возраста студента.* Чем старше инофон, тем легче он воспринимает процессы адаптации.

Нулевая гипотеза 3: *Степень социокультурной адаптации не зависит от пола студента.* Для проверки этой гипотезы использовался t-test. Согласно полученному значению $p\text{-value} = 0.9217$ средние значения степени социокультурной адаптации у юношей и девушек статистически значимо не различаются. Гипотеза подтверждена – зависимость от пола не установлена.

Нулевая гипотеза 4: *Степень социокультурной адаптации не зависит от уровня дохода его семьи.* Тестирование этой гипотезы произведено с помощью дисперсионного анализа ANOVA, в отличие от t-критерия, ANOVA позволяет сравнивать средние значения трех и более групп, что подходит для тестирования этой гипотезы. Тест определил p -значение равное 0.00329. Как видно из полученных результатов, уровень адаптации в некой степени зависит от уровня дохода семьи студента. Для того чтобы выяснить, где именно лежат различия, следом был применен критерий Тьюки. Статистически значимым стала разница между группами среднего и высокого доходов: $p\text{-value} = 0.000788$, между остальными группами статистически значимой разницы не обнаружено. У студентов из семей с более высоким доходом степень социокультурной адаптации выше.

Нулевая гипотеза 5: *Степень социокультурной адаптации не зависит от уровня текущей академической успеваемости.* Проверка гипотезы была произведена по аналогичному принципу с предыдущей. Тест ANOVA определил статистически значимый показатель $p = 5.77e-08$. Критерий Тьюки указал на две группы со значительной разницей:

Средний – Отличный (0.0000001);

Хороший – Отличный (0.0000220).

Гипотеза опровергнута – чем выше успеваемость студента, тем выше его уровень социокультурной адаптации.

Нулевая гипотеза 6: *Степень социокультурной адаптации не зависит от университета, который был выбран студентом для обучения.* Результат ANOVA $p\text{-value} = 0.78$, что заметно больше показателя 0,05. Состоительность гипотезы подтверждается: нет зависимости от вуза, в котором студент обучается.

Нулевая гипотеза 7: *Степень социокультурной адаптации не зависит от мотивации студента.* Результат ANOVA $p\text{-value} = 9.81e-07$ показывает, что между группами есть

статистически значимая разница. С помощью критерия Тьюки были определены три пары со значимой разницей:

Хотел(а) учиться именно в России (Москве) – Высокое качество обучения в России (0.0000304);

Мои друзья получили образование в Москве – Высокое качество обучения в России (0.0018398);

Хотел(а) учиться за границей – Высокое качество обучения в России (0.0000005).

Результат теста опроверг нулевую гипотезу, значит, степень социокультурной адаптации зависит от мотивации студента. Дисперсионный анализ демонстрирует, что средние значения ниже у тех студентов, кто имел «нерациональную» мотивацию (хотел учиться за границей и т.п.), и противопоставлены средним значениям студентов с «рациональным» мотивом – высоким качеством обучения в России.

Нулевая гипотеза 8: *Степень социокультурной адаптации не зависит от намерения студента трудоустроиться в России после завершения обучения.* Был повторно реализован критерий Тьюки (т.к. в группе категорий были не только «Китай» и «Россия», но еще категории «Обе страны» и «Не определился»), который выявил одну пару со статистически значимой разницей: Россия – Китай (0.0001593). Гипотеза опровергнута – студенты, намеревающиеся остаться в России для дальнейшего трудоустройства, имеют более высокий уровень социокультурной адаптации.

Результаты

В результате статистической обработки данных ряд гипотез был опровергнут и выдвинуты альтернативные гипотезы, утверждающие наличие взаимосвязей между данными о студенте и уровнем его социокультурной адаптации. Самый большой разрыв в средних значениях продемонстрировали три категории: первая выражала тип мотивации; вторая – страну, которую студент рассматривал для трудоустройства, что в целом тоже входит в мотивационное поле; третья категория выражала зависимость уровня общей адаптации от успеваемости студента. Три гипотезы нашли свое подтверждение: степень социокультурной адаптации не зависит от пола студента, вуза и выбранной специальности. Остальные гипотезы были опровергнуты, что свидетельствует о корреляции показателя уровня адаптации с другими факторами, среди которых: время проживания, возраст, успеваемость и мотивация. Зафиксировано позитивное отношение типа мотивации и уровня аккультурации – чем сильнее и рациональнее мотив, тем успешнее протекают адаптационные процессы.

Выводы

Социолингвистическое исследование, приведенное в статье, имеет некоторые ограничения. В круг его участников вошли респонденты, соответствующие определенным критериям, поэтому следует ограничить полученные результаты только группой студентов из Китая, обучающихся в трех крупных вузах Москвы. Повторение аналогичного исследования с использованием такой же модели анализа для любых других студенческих иммиграントских сообществ может дать иные результаты.

Разработанная модель комбинированного метода исследования была реализована с помощью нарративного анализа и статистического анализа данных. Нарративный подход, с одной стороны, позволил произвести лингвистический анализ речевого портрета инофона, а с другой – указал на трудности и особенности, связанные с процессами адаптации в принимающей стране.

Результаты количественного исследования продемонстрировали неоднородность протекания процесса адаптации: в определенных сферах жизни в принимающем сообществе китайцы чувствуют себя комфортнее и эффективнее справляются с повседневными проблемами. Они преуспевают в социально-бытовом аспекте, легко адаптируются к городской среде и новым условиям проживания, что также является немаловажной частью адаптации, но не входит в ее лингвокультурный пласт, наименее развитыми остаются коммуникативные процессы. Последний факт сильно затормаживает процесс адаптации, т.к. именно развивающаяся коммуникативная компетенция способна привести инофона к аккультурации.

Заключительным выводом стало суждение, что носители китайской идентичности, прибывшие в Москву с целью получения высшего образования, обладают относительно низкой степенью социолингвистической адаптации, что обусловливает возникновение различного рода трудностей на пути преодоления социокультурных и языковых барьеров между ними и российским обществом.

Литература

Коммерсант. Соревнуются сто учений. Китайских студентов в российских вузах становится больше. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3991487>
Дата обращения: 20.05.2020.

Larin A.G. (2009) Китайские студенты в России // Проблемы Дальнего Востока. № 4. С. 91–111.
Обучение иностранных граждан в российских учреждениях высшего образования (2019). М.: ФГАНУ «Социоцентр». 308 с.

Chen, W., Choi, A (2011) Internet and social support among Chinese migrants in Singapore. Vol. 13. Issue 7. Pp. 1067–1084. DOI: 10.1177/146144481039631.

China.org.cn (2021) A new stage of urbanization: A look at China Integrated City Index 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.china.org.cn/opinion/2021-04/16/content_77412476.htm Дата обращения: 20.05.2021.

Epstein, S. (1994). Integration of the cognitive and the psychodynamic unconscious // American Psychologist. 49(8). Pp. 709–724. DOI: 10.1037/0003-066X.49.8.709.

Franzosi, R. (1998) Narrative as Data: Linguistic and Statistical Tools for the Quantitative Study of Historical Events // International Review of Social History. Vol. 43. Pp. 81–104. DOI: 10.1017/S002085900011510X.

Labov, W., Waletzky, J. (1997) Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis // Special Volume of a Journal of Narrative and Life History. Vol. 7. Pp. 3–38. DOI: 10.1075/jnlh.7.1–4.

Masgoret, A., Ward, C. (2006) Culture learning approach to acculturation. In D. L. Sam and j. W. Barry // The Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge University Press. No 5, Pp. 58-77. DOI: 10.1017/CBO9780511489891.008.

Searle, W., Ward, C. (1990). The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions // International Journal of Intercultural Relations. 14 (4). Pp. 449–464. DOI: 10.1016/0147-1767(90)90030-Z.

Ward, C., Kennedy, A. (1999). The measurement of sociocultural adaptation // International Journal of Intercultural Relations. 23(4). Pp. 659–677. DOI: 10.1016/S0147-1767(99)00014-0.

Словари

Аберкромби Н., Тернер Б.С., Хилл С. Социологический словарь (2004) / Под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика. 620 с.

References

Kommersant. Sorevnuyutsya sto ucheniy. Kitayskikh studentov v rossiyskikh vuzakh stanovitsya bol'she [Kommersant. One hundred science schools compete. More Chinese students in Russian universities]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3991487> Access date: 20.05.2020. (In Russ.)

Larin, A.G. (2009) Kitayskiye studenty v Rossii [Chinese students in Russia] // Problemy Dal'nego Vostoka. No. 4. Pp. 91–111. (In Russ.)

Obucheniye inostrannykh grazhdan v rossiyskikh uchrezhdeniyakh vysshego obrazovaniya (2019). M.: FGANU «Sotsiotsentr». 308 p. (In Russ.)

Chen, W., Choi, A. (2011) Internet and social support among Chinese migrants in Singapore. Vol. 13. Issue 7. Pp. 1067–1084. DOI: 10.1177/146144481039631.

- China.org.cn (2021) A new stage of urbanization: A look at China Integrated City Index 2019 Available at: http://www.china.org.cn/opinion/2021-04/16/content_77412476.htm Access date: 20.05.2021.
- Epstein, S. (1994). Integration of the cognitive and the psychodynamic unconscious // American Psychologist. 49(8). Pp. 709-724. DOI: 10.1037/0003-066X.49.8.709.
- Franzosi, R. (1998) Narrative as Data: Linguistic and Statistical Tools for the Quantitative Study of Historical Events // International Review of Social History. Vol. 43. Pp. 81–104. DOI: 10.1017/S002085900011510X.
- Labov, W., Waletzky, J. (1997) Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis // Special Volume of a Journal of Narrative and Life History. Vol. 7. Pp. 3–38. DOI: 10.1075/jnlh.7.1-4.
- Masgoret, A., Ward, C. (2006) Culture learning approach to acculturation. In D.L. Sam and J.W. Barry // The Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge University Press. No 5. Pp. 58–77. DOI: 10.1017/CBO9780511489891.008.
- Searle, W., Ward, C. (1990). The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions // International Journal of Intercultural Relations. 14(4). Pp. 449–464. DOI: 10.1016/0147-1767(90)90030-Z.
- Ward, C., Kennedy, A. (1999). The measurement of sociocultural adaptation // International Journal of Intercultural Relations. 23(4). Pp. 659–677. DOI: 10.1016/S0147-1767(99)00014-0.

Dictionaries

Aberkrombi N. Sotsiologicheskiy slovar' (2004) / Ed. by S.A. Yerofeyeva. 2nd ed. M.: Izdatel'stvo Ekonomika. 620 p. (In Russ.)

Малышева Марина Викторовна – независимый исследователь, выпускница магистерской программы «Языковая политика в условиях этнокультурного разнообразия» НИУ ВШЭ.

Адрес: 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 1.

Эл. адрес: mlshvmrn@gmail.com

Для цитирования: *Малышева М.В.* Социолингвистическая адаптация студентов из Китая, обучающихся в московских университетах: комбинированное исследование [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2021. № 2(6). С.187–205. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-187-205

For citation: *Malysheva M.V.* Sociolinguistic adaptation of students from China studying at Moscow universities: mixed-method research // Sociolinguistics. 2021. No. 2(6) [online]. Pp. 187–205. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-187-205